

— Государь, посмотрите сюда, — в голосе Хэ Чанвэя звучала привычная холодная нотка, когда он развернул перед Регентом толстую стопку счетов. — В расходах Императорской сокровищницы на этот квартал снова образовалась брешь в двести тысяч лянов серебра. Если Помощник министра финансов не сможет объяснить, куда ушли эти деньги, то даже если господин Хэ закроет на это глаза, законы Великого Ся закрыть их не позволят.

Чжань Сюйтань неторопливо отложил кисть, отклонился на спинку массивного кресла из темного дерева и с легкой улыбкой посмотрел на стоящего перед ним молодого чиновника. На Хэ Чанвэе была безупречная зеленая тога, воротник застегнут на все пуговицы, а прямая спина не сгибалась ни перед какими трудностями — точь-в-точь как горный бамбук, устоявший под ледяным ветром.

— Господин Хэ так строг, — произнес Чжань Сюйтань, слегка подавшись вперед. В его темных глазах мелькнул озорной, но глубокий блеск. — Мы же только что обсуждали поставки зерна в северные провинции. Двести тысяч лянов ушли на закупку дополнительных повозок, чтобы крестьяне не голодали предстоящей зимой. Неужели этот вопрос нельзя было решить путем предварительных переговоров, прежде чем выносить его на официальное заседание?

— Все траты должны быть зафиксированы в реестре заранее, а не покрываться за счет экстренных фондов по личной воле Ван, — голос Хэ Чанвэя оставался ровным и непреклонным. Он поднял взгляд, и их глаза встретились. — Закон есть закон. Если Регент пренебрегает правилами, то какой пример он подает остальным чиновникам?

Чжань Сюйтань тихо рассмеялся. Этот звук был низким и бархатным, отчего у любого другого придворного по спине побежали бы мурашки. Но Хэ Чанвэй лишь слегка нахмурил брови, демонстрируя крайнее несогласие с подобной легкомысленностью.

— Правила создаются людьми, господин Хэ, чтобы их соблюдали, но иногда их приходится менять ради общего блага, — Чжань Сюйтань встал, обошел массивный стол и остановился всего в шаге от молодого чиновника. От него веяло слабым ароматом туши и дорогих благовоний, смешанных с влажным воздухом зимнего двора. — Впрочем, если вы настаиваете на строгом соблюдении процедур, я готов выслушать ваши предложения на следующем заседании совета. Только боюсь, Председатель совета чиновников потратит слишком много сил на споры со мной.

Хэ Чанвэй отступил на полшага, сохраняя дистанцию, подобающую их чинам и этикету.

— Ван излишне беспокоится. Успех государственных дел зависит от порядка, а не от личных уступок.

— Личных уступок? — уголки губ Чжань Сюйтаня приподнялись в лукавой усмешке. Он протянул руку и аккуратно поправил чуть сбившийся воротник на одежде Хэ Чанвэя, заметив вспыхнувшее на щеках собеседника мимолетное раздражение. — Разве я когда-нибудь делал уступки кому-то еще, кроме вас, господин Хэ? Для вас — хоть весь императорский бюджет.

— Ван, пожалуйста, соблюдайте приличия, — Хэ Чанвэй решительно перехватил стопку документов и отступил еще дальше, хотя уши его слегка покраснели. — Мы находимся в официальном кабинете.

— Не возражаю, — ничуть смутившись, ответил Чжань Сюйтань, скрестив руки на груди и наблюдая за тем, как молодой чиновник спешно откланивается и покидает помещение. — Раз господин Хэ не возражает, я буду считать это молчаливым согласием.

Дверь за Хэ Чанвэем закрылась, оставив Регента в тишине просторного зала. Чжань Сюйтань некоторое время смотрел на закрытые створки, а затем улыбнулся уже совсем иначе — тепло и предельно серьезно. В этом мире, полном интриг, борьбы за власть и фальшивых улыбок, был лишь один человек, ради которого стоило переворачивать устоявшийся уклад империи вверх дном. И этот человек только что снова пригрозил ему очередным судебным разбирательством.

<http://bllate.org/book/20997/2134880>